

Алексей Александрович Поповкин

кандидат исторических наук,
преподаватель АНПОО «Региональный Экономико-Правовой Колледж»,
г. Лиски Воронежской области
ale4778@yandex.ru

ПОСРЕДНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛАВЯНСКИХ КОМИТЕТОВ В ГОДЫ КРИЗИСА И ВОЙНЫ 1870-Х ГОДОВ – ГУМАНИТАРНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация: В статье дается характеристика гуманитарного и культурного аспектов посредничества Славянских комитетов и обществ между Россией и Балканами, преимущественно в 1875–1876 гг. На примерах из хроники благотворительности в Воронежской губернии раскрывается взаимодействие между Славянскими комитетами и Обществом попечения о раненых и больных воинах (Российский Красный Крест), в контексте деятельности широких слоев русского общества, вдохновлявшихся не только информацией, исходившей от Славянских комитетов и из прессы, но символическими образами народного самосознания, содержащего архетипическую картину православного Востока. Среди этих образов важное значение имел образ Куликовской битвы и ее участников, что отразилось в истории «Черняевского знамени». В статье восстанавливаются связанные с Восточным кризисом страницы биографии императрицы Марии Александровны, благотворительницы белорусских земель и педагога П.И. Чепелевской, знаменосца-добровольца из Воронежа Т.П. Щербины, священника воронежского Покровского монастыря Я.В. Путилина.

Ключевые слова: Славянские Комитеты, Российское общество Красного Креста, социокультурное взаимодействие, императрица Мария Александровна, Прасковья Ильинична Чепелевская, Трофим Павлович Щербина, священник Яков Путилин, храм Александра Невского в Белграде, Покровский

монастырь в Воронеже, Лискинский район Воронежской области, Черняевское знамя (знамена)

Славянские благотворительные комитеты и общества – организации, существовавшие в России с 1858 по 1921 г. и ставившие целью оказывать: финансовую помощь зарубежным славянским религиозным и образовательным учреждениям (изначально преимущественно православным); всевозможное содействие славянским студентам, жившим в России; распространение знаний о славянстве в России и знаний о русской культуре в среде зарубежного славянства, а также поддержку тех культурных и политических деятелей, которые подвергались преследованиям за убеждения со стороны держав, чья государственная идеология предусматривала борьбу с «панславизмом» (прежде всего, имелись в виду Австрия/Австро-Венгрия и Турция). Первый Славянский комитет возник в Москве в 1858 г., его председателем стал А.Н. Бахметев. Комитеты привлекали для сбора средств на нужды славян представителей самых разных общественных групп – от родственников царя до волостных старшин и мастеровых. Впоследствии важнейшими центрами в структуре славянских комитетов и обществ стали Санкт-Петербург, Киев и Одесса, при этом группы участников комитетов и отдельные их члены собирали пожертвования в пользу славян и в других городах (так, в Воронеже в 1875–1876 гг. жил и работал член Санкт-Петербургского славянского комитета Г. Кулжинский¹).

Участники славянских комитетов с самого начала уделяли особенное внимание положению на Балканах. Та или иная помощь оказывалась ими балканским славянам в 1858–1874 гг. практически ежегодно. В составе комитетов работали люди, неоднократно бывавшие в балканских провинциях Османской империи, поддерживавшие постоянные контакты со своими единомышленниками в Воеводине, Княжестве Сербия, Старой Сербии, Боснии и Герцеговине, Далмации, Черногории, Македонии. Достаточно назвать имена А.Ф. Гильфердинга, А.В. Рачинского, И.С. Аксакова. Незаменимым посредником между Москвой и зарубежными славянами в течение многих лет служил протоиерей М.Ф. Раевский, состоявший священником при русской посольской церкви в Вене. Митрополит Сербский Михаил, искренний друг московских славянофилов, многожды бы-

1 Вероятно, Григорий Иванович Кулжинский, церковный писатель, этнограф (1838 – после 1913).

вавший в России, также оказывал славянским комитетам неоценимую помощь.

История славянских комитетов и обществ часто становилась предметом исследования². Однако, по преимуществу, внимание специалистов концентрировалось вокруг всего нескольких дискуссионных тем, таких как идеологический характер руководства организаций, роль славянских комитетов в отправке добровольцев на Балканы в 1876 г., причины закрытия Московского славянского комитета в 1878 г., взаимодействие славянских обществ с так называемым неославистским движением рубежа XIX–XX вв. Уделялось внимание и гуманитарным аспектам деятельности организаций. Однако, догматический европоцентризм, с одной стороны, и заикленность на вопросе о соотношении элементов «либерализма и реакционности» славянофилов в советской и постсоветской историографии, с другой, до сего дня, на наш взгляд, являются препятствиями для выявления ряда феноменов и закономерностей, связывающих деятельность славянских комитетов с процессами взаимодействия Модерна и Традиции в элите и обществе в целом – это касается как России, так и Балкан. В частности, до сей поры обходится молчаливым связью идеологии славянофильского движения и славянских обществ с комплексом традиционных представлений о православном Востоке, сохранившихся у русских крестьян ко второй половине XIX в. В этой связи практически всеобщая положительная реакция крестьянства на призывы славянофилов о помощи боснийским сербам, а затем болгарам в 1875–1877 гг. преподносится, в лучшем случае,

2 Н.А. Попов, „Религиозная и национальная благотворительность на Востоке и среди славян. Окончание“, *ЖМНПр*, июнь 1871 г. (и другие его работы); С.А. Никитин, *Славянские комитеты в России*, Москва, 1960, (и др.); И.В. Чуркина, „Общественные, научные и культурные связи славян Австрийской монархии и России в 60-е годы XIX века“, *История, культура, этнография и фольклор славянских народов. Седьмой Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 года. Доклады советской делегации*, Москва, 1973; Л.И. Нарочницкая, *Россия и национально-освободительное движение на Балканах 1875–1878 гг.*, Москва, 1978(9); Л.В. Кузьмичева, „Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г.“, *Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в.*, Москва, 1981, с.77–98. Из более современных работ, среди прочего, заслуживают внимания: Л.П. Лаптева, *История славяноведения в России*, Москва, 2005; М. Живанович, „В помощь сербам: к вопросу о деятельности Московского славянского комитета в 1850–1870-е гг.“, *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 2021, Т. 12, Выпуск 2 (100).URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840013999-7-1/> DOI:10.18254/S207987840013999-7

как «счастливая случайность», а в худшем – как показатель «темноты» «угнетенных народных масс», которыми «манипулировали» хитрые «панславистские агитаторы». Между тем, у русских крестьян имелись и собственные представления о Балканах, почерпнутые из личного общения. Странники-богомольцы, десятки лет ходившие между Москвой, Киевом, Иерусалимом и Царьградом, попадали в славянские земли Австрии и Турции, приносили в родные села и деревни известия о притеснениях единоверцев, услышанные из первых уст. Русские ремесленники-иконописцы еще со времен войн Екатерины II проложили маршрут на Балканы. У этого маршрута появлялись новые ветви. Об одном из эпизодов непосредственного общения русских и сербских крестьян и ремесленников в Боснии упомянул в 1873 г. Нил Попов, многолетний секретарь Московского славянского комитета: «Прибыли в Боснию из Киева русские с иконами, писанными на дереве, из коих некоторые были в красивых, даже серебряных окладах. Православные жители Сараева и окольных селений... с удовольствием покупали русские иконы [...] Православная община, желая оказать любовь русским иконописцам, дошедшим первый раз в Боснию, уступили им церковный дом [...] для продажи икон [...] Но митрополит Дионисий в одно прекрасное утро прогнал русских [...] Русские должны были выехать не только из Сараева, но и из Боснии»³. Как видно, для того, чтобы понять, как живут единоверцы на Балканах, этим крестьянам – иконописцам не требовалась хитрая пропаганда, как не требовалась она и богомольцам, вернувшимся из Османской империи в харьковские, воронежские, саратовские села. И когда эти крестьяне и их многочисленные родственники слышали призывы славянских комитетов, они восприняли это лишь как удостоверение подлинности собственных взглядов со стороны «господской».

Без упомянутого выше комплекса представлений убеждения славянских комитетов имели бы лишь узкое и (или) кратковременное, хотя, возможно, и ощутимое воздействие, наподобие реакции на события в Южной Африке рубежа XIX–XX веков («Трансвааль, Трансвааль, страна моя...»). Но, в отличие от реакции на борьбу Трансвааля, которая была в огромной степени внутрикультурной (реальных представлений абсолютному большинству подданных Российской империи получить не довелось, количество русских добровольцев

3 Н.А. Попов, *Православие в Боснии и его борьба с католической пропагандой и протестантскими миссионерами*, Москва, 1873, с. 11.

в Трансваале было весьма скромным, так что обывателю приходилось домысливать события, опираясь на прессу), то применительно к России и Балканам можно говорить не только о внутрикультурной, но и о межкультурной реакции. Не только у русских крестьян были традиционные представления о христианском Востоке, но и у сербских и болгарских – о России.

Посредничество славянских комитетов носило практический характер, оно олицетворялось конкретными людьми (медиаторами социокультурного взаимодействия и цепочками таких медиаторов), а общие представления «о единоверных и единокровных братьях» служили скрепляющей силой этих цепочек. Информационным отпечатком цепочек взаимодействия были заметки в прессе России и Сербии, которые фиксировали взаимодействие через личностное (биографические справки, упоминания конкретных участников кампании помощи – индивидуальных и коллективных) и локационное (упоминание одних и тех же мест сбора в российской и зарубежной прессе) измерения. Совокупность субъектов социокультурного взаимодействия (славянских комитетов, Женского общества К. Миловук, Сербской митрополии и русских епархий, Общества попечения о раненых и больных воинах, императорского двора и т. д.) может быть рассмотрена либо монографический, путем анализа каждого субъекта в хронологическом и географическом измерениях, либо путем локализации (через биографию нескольких личностей и характеристику одной локальной зоны взаимодействия). Для формата статьи может подойти лишь второй вариант. Социокультурное взаимодействие будет нами показано через деятельность нескольких лиц, роль которых в историографии не освещена должным образом применительно к нашей теме – императрицы Марии Александровны, благотворительницы П.И. Чепелевской, знаменосца Черняевского знамени Т.П. Щербины, сборщика в пользу славянских комитетов священника Я.В. Путилина (о роли руководителей и известных членов комитетов – например, А.В. Васильева – будет идти речь в рамках общего повествования). Локальной зоной взаимодействия избрана родная для автора Воронежская губерния, хотя, для сравнения, будут приводиться факты и из других регионов. Кроме того, не следует упускать из вида то обстоятельство, что социокультурное взаимодействие России и Балкан имело и символическое измерение. И Россия, и Сербия встраивали события 1876 г. в контекст собственной многовековой истории, велся поиск точек соприкосновения (некоторые

уже были, их просто следовало вспомнить или сделать более рельефными – даже на примере Воронежской губернии). Образы свв. Саввы Сербского и Сергия Радонежского, свв. Александра Невского и Дмитрия Донского, событий 1380 и 1389 (Косовская битва) годов в 1876 г., без преувеличения, стали общими для культурного пространства России и Сербии. Доказательством этого, например, является икона свв. Саввы Сербского и Сергия Радонежского, отправленная из Москвы в Белград в 1876 г.: «Сергий Радонежский [...] с иконою нерукотворенного Спаса, в напоминание о том, что образ Спасителя был на князем знамени Дмитрия Донского, в битве на Куликовом поле»⁴. В статье мы раскроем эту символическую связь более подробно.

Хотя избранную нами тему нельзя считать достаточно разработанной в историографии, все же можно сказать, что она имеет определенную традицию в науке. Мы полагаем, что основоположником такого (социокультурного) подхода к событиям 1875–1876 гг. может считаться непосредственный участник событий, русский доброволец, потомок брабантских эмигрантов, Григорий Александрович де-Воллан (1847–1916), впоследствии – крупный дипломат, закончивший карьеру в ранге полномочного министра России в Мексике. В журнале «Древняя и новая Россия» в 1877 г. он опубликовал статью «Сербский вопрос перед судом русского общества», в самом названии которой уже содержал намек на межкультурную и внутрикультурную полемику, следовательно – коммуникацию. Де-Воллан писал: «Русский народ не отрекся от своего призвания, от своих братьев [...] Учение славянофилов, т. е. желающих освобождения славян от турецкого и мадьярского ига, должно быть достоянием всего русского народа. Каждый русский, к какой бы партии он ни принадлежал, должен сочувствовать возрождению славянства [...] Начала славянофильства будут так разнообразны, как сама русская жизнь. Только тогда славянская стихия сольется в одно законченное целое, только тогда определится сущность, характер, идея славянской цивилизации. Надо думать, что взаимодействие всех славянских народностей, разнообразие жизненных, культурных и социальных особенностей выработает совершенно особую жизнь. "Вы нас измените – сказал мне один славянин, – но и мы внесем в вашу русскую жизнь новые элементы". В этом разнообразии и взаимодействии жизненных проявлений славянства и заключается будущность, величие,

4 „Известия, относящиеся к Балканскому полуострову”, *Кишиневские Епархиальные Ведомости*, 1876, №18, Ч. Неоф, с. 597.

прогресс всего человечества. Славянская цивилизация, как законченное целое, будет представлять собою микрокосм того, что вырабатывает человечество»⁵. Это было написано в тот момент, когда некоторая часть русского общества (да и сербского тоже) переживала разочарование результатами взаимодействия. Но де-Воллан смотрел дальше, чем многие его современники и сослуживцы. Возможности и пути культурного взаимодействия России и Балкан обсуждались и впоследствии, но в советский период это обсуждение было сведено к одной узкой и, в сущности, периферийной теме – теме сотрудничества русских, сербских и болгарских революционных демократов. Фактически, таким образом дискурс был поставлен под контроль безнадежно устаревших стереотипов старых врагов славянства, приведенных, между прочим, тем же де-Волланом в цитате из немецкой газеты: «Если бы сербы победили, то панславистическая революция (! – А.П.) подняла бы голову в Славонии, Далмации, Хорватии, Карпатии, Крайне»⁶. В настоящее время сложились более благоприятные обстоятельства для развития теории, эскиз которой был исполнен де-Волланом исходя из его недавнего опыта, по очень свежим следам событий. Необходимо отдать должное трудам кубанских исследователей О.В. Матвеева и С.В. Жабчик. Заслуживает глубокого уважения смелость кандидата исторических наук Светланы Викторовны Жабчик (Кубанский государственный аграрный университет), которая в автореферате диссертации прямо заявила: «Автор, как и Н.Я. Данилевский, считает, что в цивилизационном измерении существует единый культурно-исторический тип. Это положение обосновывается на примере взаимодействия славян в обширном ареале Кубани и Черноморья, а также Балканского театра военных действий»⁷. После фамилии Н.Я. Данилевского можно добавить – «как и Г. Де-Воллан», так, как и автор этих строк! Различие в том, что мы будем говорить не о Кубани, а о Придонье. В статье, где излагаются важные положения ее диссертации, С.В. Жабчик упомянула и о Восточном кризисе в необходимом нам ключе: «В представлении русского народа и казаков, в частности, южные славяне – это

5 Г. Де-Воллан, „Сербский вопрос перед судом русского общества“, *Древняя и новая Россия*, 1877, №5, с. 74.

6 Там же.

7 С.В. Жабчик, *Связи населения Кубани с южными славянами в конце XVIII – начале XX веков*, автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук, на правах рукописи, Краснодар, 2010, с. 9.

единоверные братья. Следовательно, отказать в помощи единоверцам не представлялось возможным [...] На период Восточного кризиса 70-х гг. XIX в., т. е. до [...] официального объявления войны Турции, кубанские казаки добровольно отправлялись на Балканский полуостров для оказания помощи южным славянам. В архивных документах сохранилась масса прошений казаков об отправке их добровольцами в Герцеговину, Боснию, Сербию, Болгарию. Так, 2 сентября 1876 года урядник внутреннего служилого разряда Александр Томаров, проживавший в станице Тифлисской, писал станичному атаману: “Сочувствуя к невинно погибшим славянам от рук мусульман, я желаю по силам своим оказать им помощь. Почему покорнейше прошу Вашего ходатайства об отправлении меня теперь-же к полю битвы в Сербию”. В данном случае речь уже не идет о выполнении воинского долга по воле правительства. Не остались в стороне и жители Кубани. Так, с их стороны приобрели массовый характер денежные пожертвования в пользу южных славян»⁸. В 2018 г. в Воронеже вышла небольшая, но значимая для науки работа доцента кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного учебно-научного центра «Военно-воздушная академия имени проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» Ю.В. Власовой «Участие России в Сербо-турецкой войне 1876 г.». К числу несомненных достоинств работы следует отнести анализ воронежской прессы и архивов (для поиска связанных с Воронежем в эпоху Восточного кризиса документов), выявление сообщений из Воронежской губернии в общероссийской печати, подробную характеристику деятельности славянских комитетов. Приведем в качестве примера одну из наиболее ценных для нашей темы цитат: «В газете “Голос” от 2 сентября 1876 г. было сообщение из села Нижний Кисляй Павловского уезда Воронежской губернии, что 1 августа священник местной церкви отец Илларион по окончании литургии познакомил своих прихожан с положением дела на Балканском п-ове и пригласил их к пожертвованиям. Немедленно посыпались пожертвования не только деньгами, которых собрано более 125 рублей, но и вещами. Для организации деятельности по сбору пожертвований в провинциальных городах славянские комитеты выдавали своим членам особые свидетельства. Также расширялся тарелочный сбор в церквях. Он проводился членами комис-

8 С.В. Жабчик, „Кубанские казаки и южные славяне. Историко-культурные взаимосвязи в конце XVIII – начале XX веков”, *Научные проблемы гуманитарных исследований*, Пятигорск, 2009, с. 37–43, с. 41–42.

сии по сбору пожертвований Петербургского славянского комитета в церквях Петербурга, Царского села, Павловска, Лесного института и Парголова. Наибольшее количество всего сбора поступило из Исаакиевского и Казанского соборов. В крупнейшем соборе столицы – Исаакиевском, организацией тарелочного сбора ведали сначала секретарь Петербургского славянского комитета Н.К. Янкулио с супругой, а затем последовательно – В.И. Аристов и К.Д. Елисеев»⁹. К сожалению, статья не обошлась без недостатков: газета «Новое Время» названа «суворовской» (вместо «суворинской»), московский генерал-губернатор Долгоруков «превратился» во владимирского, но, пожалуй, самым досадным промахом является отсылка к безнадежно устаревшей теории о том, что Сербия и Черногория, «опираясь на поддержку России, попытались решить некоторые задачи своих незавершенных буржуазно-национальных революций»¹⁰. И это при том, что еще одной несомненной заслугой Ю.В. Власовой является указание на огромную роль императрицы Марии Александровны в деле помощи славянам! Получается несообразность: супруга российского самодержца помогает решить задачи буржуазных революций?

Существует еще один, можно сказать, неисхоженный путь в историографии – сравнение восприятия Восточного кризиса русским, сербским, болгарским, греческим и христианским арабским крестьянством (в их взаимодействии). Полагаем, что подобное компаративное исследование – дело недалекого будущего.

Задачами же настоящей статьи будет восстановление страниц биографий известных (императрица Мария Александровна, П.И. Чепелевская) и почти забытых (Трофим Щербина, священник Яков Путилин) участников «славянского дела», которые иллюстрируют служение славянских комитетов и обществ в качестве посредников между Балканами (мы ограничимся сербскими землями) и Россией в гуманитарном и культурном контексте. Мы также остановимся подробнее на информационном отпечатке такого посредничества – параллелях в русской и сербской прессе во время кампании помощи 1876 г. Для начала следует напомнить хронологическую канву событий.

23 августа 1875 г. император Александр II утвердил доклад министра внутренних дел по прошению Санкт-Петербургского славянского комитета, тем самым разрешив сбор средств на помощь

9 Ю.В. Власова, «Участие России в Сербо-турецкой войне 1876 г.» *Проблемы социальных и гуманитарных наук*, Воронеж, Вып. 1 (14), 2018, с. 15–16.

10 Там же, с. 14.

герцеговинцам. 4 сентября был утвержден циркуляр МВД губернаторам, предусматривавший содействие в организации сборов. 5 сентября митрополит Исидор (Никольский) разрешил тарелочный сбор в церквах Петербурга. 28 сентября на заседании Санкт-Петербургского комитета была избрана комиссия по оказанию помощи герцеговинцам в составе Н.А. Киреева, А.Д. Башмакова, И.Ф. Золотарева, Н.Н. Трегубова. А.А. Краевского, М.В. Умецкого, Н.К. Янкулио, Т.И. Филиппова, В.И. Аристова и М.Г. Черняева. 29 сентября был образован Дамский кружок для помощи герцеговинцам под председательством О.К. Граве. В работе кружка приняли участие Г.П. Дезобри, А.Н. Попова. Е.С. Граве и Е.К. Истомина. Отделы кружка возникли в Туле, Орле, Таганроге и Казани. Дамские комитеты для помощи славянам в 1876–1878 гг. работали во множестве городов России – в Москве (Дамское отделение Славянского комитета под руководством А.Н. Стрекаловой и О.Ф. Кошелевой), Петербурге, Гельсингфорсе, Варшаве, Тамбове... 4 октября 1875 г. Общество попечения о раненых и больных воинах призвало свои отделения жертвовать в пользу герцеговинцев. Впоследствии на местах (в частности в Воронеже) корреспонденты славянских комитетов теснейшим образом координировали свои действия с Красным Крестом. 24 ноября 1875 г. вышел указ Синода, «в коем изъяснено, что Санкт-Петербургский отдел Славянского Благотворительного комитета получил Высочайшее соизволение Государя Императора на сборы в пользу жертв восстания в Боснии и Герцеговине». Синод пригласил «Епархиальных Преосвященных содействовать Отделу Славянского Благотворительного комитета в достижении означенной цели». 28 ноября 1875 г. Общество попечения о раненых и больных воинах (РОКК) приняло решение об отправке в Черногорию санитарных отрядов. Уже первый из них был сформирован при поддержке славянских комитетов, а затем, в Черногорию снятъ отправился член Санкт-Петербургского славянского комитета князь П.А. Васильчиков. В ведение Васильчикова для помощи герцеговинцам Московский славянский комитет передал 12 000 рублей, Санкт-Петербургский – 30 000 рублей. В декабре 1875 г. Черногория официально вступила в Международный комитет Красного Креста. 15 декабря первый русский отряд Красного Креста под руководством доктора Полисадова прибыл в страну. 18 января 1876 г. больницы Красного Креста были развернуты в Грахове и Жупе Никшичкой. 25 апреля 1876 г. на заседании Санкт-Петербургского отдела славянского комитета было сообщено, что

великий князь Владимир Александрович пожертвовал 50 рублей при приобретении им двух брошюр «Братская помощь», изданных Славянским комитетом в пользу болгар и герцеговинцев. Ранее, 3 марта 1876 г., Санкт-Петербургский славянский комитет выпустил в обращение типовой бланк подписного листа для сбора пожертвований в пользу герцеговинцев, подписанный И.П. Корниловым и секретарем Н.К. Янкулио. 5 мая 1876 г. Московский славянский комитет призвал к сбору пожертвований в пользу болгар¹¹. Просьбы о пожертвованиях возобновлялись много раз, на Балканы отправлялись уполномоченные комитетов и (с 1877 г.) Славянских обществ. Фактически, сборы, начавшиеся в 1875 году, окончательно прекратились только в 1918 г. Адресатами пожертвований в 1875–1876 гг. стали митрополит Сербский Михаил (Йованович), Женское общество К. Миловук, местные балканские комитеты помощи.

Как можно заметить, Общество попечения о раненых и больных воинах постоянно сопровождало сборы славянского комитета. Верховной покровительницей общества была в тот момент императрица Мария Александровна (1824–1880), урожденная Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария Гессенская, с 1841 г. – супруга императора Александра II. Государыня была лично знакома с балканскими правителями Миланом Обреновичем и Николаем Петровичем-Негошем, в 1867 г. встречалась со «славянскими гостями», приехавшими в Россию на Этнографическую выставку, а через фрейлин А.Д. Блудову и А.Ф. Аксакову (Тютчеву) поддерживала постоянные контакты со славянофильскими кругами. Кроме того, она регулярно отправляла в сербские земли различные дары – плащаницу в сербскую соборную церковь Мостара, 1500 рублей на восстановление монастыря Дужи, денежные взносы православной мужской школе в Сараево¹². Поэтому ее без преувеличения можно назвать посред-

11 Г.К. Градовский, *Русское общество пред лицом бедствий в Боснии и Герцеговине в 1875 году/Братская помощь*. 1876, с. 379, 482–490; *Вологодские губернские ведомости*, 6 октября 1875, с. 3; Обобщено: А. А. Поповкин, *Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге: 1858–1921 гг.*, диссертация на соискание уч. степ. кандидата исторических наук : 07.00.02, Воронеж, 2013, с. 256–261.

12 „Једна школа из окупираних српских крајева”, *Учитель*, Свеска за септембар, 1899, с. 27; В. Сировина, свешт., „О седамдесетогодишњици царске плаштанице у саборној цркви у Мостару”, *Братство*, Сарајево, Бр. 5–6, 1932, с. 90–93; „У манастиру Дужи код Требиња”, *Време*, 8. август, 1937. Примечательно, что дары монастырю Дужи и собору в Мостаре были осуществлены по совету одного из

ницей между Россией и Балканами. С 1875 г. Мария Александровна принимала активное участие в помощи балканским народам. В газетах появлялись, например, такие сообщения: «Старообрядцы в Петербурге преподнесли Государыне [Марии Александровне] 12000 рублей в пользу бедствующих славян»¹³.

Зимой 1875/1876 г. в воронежской газете «Дон» появилось следующее воззвание: «Хотя приношения, собираемые в России, были довольно значительны, тем не менее, они далеко не могли удовлетворить те насущные потребности, которые в последнее время были так громко заявлены и ныне убедительно доказаны, что нужда среди герцеговинцев растет гораздо скорее, чем та помощь, которая оказывается необъятному горю, разлившемуся в христианских провинциях Турции [...] В виду изложенного, главное управление Общества попечения о раненых и больных воинах нашло теперь своевременным вступить по этому делу на почву практической деятельности и, с Высочайшего соизволения Своей Августейшей Покровительницы, Ее Императорского Величества Государыни Императрицы, послало на театр войны своего главноуполномоченного и лазарет на 100 кроватей с амбулаторною лечебницею для приходящих больных. При госпитале командировано 4 врача, из коих два хирурга, 9 сестер милосердия и фельдшерниц, два фельдшера, аптекарь, помощница аптекаря и прислуга, в количестве всего 33 человек. Кроме единственной затраты на устройство госпиталя, общество определило расходовать на него необходимую сумму по 10 000 рублей в месяц.

При настоящей деятельности Общества попечения о раненых и больных воинах, Воронежское местное управление сего общества, по поручению главного управления, обращается к жителям Воронежской губернии с просьбою не отказать в посильном пожертвовании как денежном, так и материальном»¹⁴. Воронежцы откликнулись, императрица ответила на их благородный порыв: «Г. председатель главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах, генерал-адъютант Баумгартен, уведомил г. Воронежского губернатора [...] что 19 минувшего апреля он имел честь докладывать

основателей Славянского комитета А.Ф. Гильфердинга, первого председателя его Санкт-Петербургского отделения (скончался в 1872 г.).

13 „Россия”, *Газета политическо-литературная, художественная и ремесленная А. Гатиука*, 1876 г., №33, 9 августа, с. 515.

14 „Приглашение к пожертвованию в пользу жертв восстания в Боснии и Герцеговине”, *Дон*, 1876, №13 (1 февраля).

Августейшей Покровительнице Общества о заслугах делопроизводителя Воронежского местного управления, М. Кузнецова, по поводу его забот и распорядительности на пользу жертв восстания в Герцеговине и Боснии. Ее Императорское Величество, приняв доклад с истинным удовольствием, повелеть соизволила «особенно поблагодарить», от имени Ее Величества, М. Кузнецова»¹⁵.

Здесь необходимо учесть тот факт, что М. Кузнецов в 1876 г. собирал средства и от имени Общества попечения о раненых и больных воинах, и от имени Славянского комитета: член Комитета Г.И. Кулжинский в начале 1876 г. призвал желающих жертвовать «впредь не обращаться ко мне, а относиться к М.Г. Кузнецову, который выразил согласие к собираемым им пожертвованиям присовокуплять и те, которые доставлялись ко мне»¹⁶. Впрочем, отправлялись посылки и непосредственно в Комитет: «Имею честь покорнейше просить редакцию поместить в газете «Дон» известие о том, что преподаватели и воспитанники Воронежской Гражданской гимназии и воспитанницы VII класса Воронежской Мариинской женской гимназии пожертвовали в пользу бедствующих жителей Герцеговины, Боснии и Старой Сербии восемьдесят девять рублей шестьдесят копеек, каковая сумма препровождена мною сего числа, в Москву, Вице-президенту Славянского Благотворительного Комитета, И.С. Аксакову, для употребления оной согласно назначению жертвователей. Директор гимназии, А. Белозоров»¹⁷. В комитет отправляли пожертвования земства: «Коротоякскою уездною земскою управою была открыта во всех волостных правлениях в уезде подписка в пользу православных семейств, пострадавших от восстания в турецких провинциях.

Крестьянское население уезда отнеслось к этой подписке с замечательною готовностью и сочувствием, и сумма пожертвований достигла в настоящее время такой цифры, на которую почти невозможно было рассчитывать, особенно ввиду неудовлетворительности урожая прошедшего года. Так, Тресоруковская волость доставила 170 рублей деньгами и 1860 аршин холста, Оскинская волость 51 рубль, Боршевская 75 рублей и 833 аршина холста [...] Новохворостанская [Давыдовская] 120 рублей 90 копеек и 972 аршина холста, Репьевская 74 рубля 98 с половиной копеек и 17 аршин холста [...]

15 „Местная хроника, слухи и заметки”, *Дон*, 1876, №48 (4 мая).

16 Г.И. Кулжинский, „Заявление”, *Дон*, 1876, №39 (13 апреля).

17 „В редакцию газеты «Дон»”, *Дон*, 1876, №1 (1 января).

Самый сбор пожертвований производится по особым листам, скрепленным земскою управою и разосланным ею по всем волостным правлениям. Листы эти представлялись в управу вместе с пожертвованиями и поверялись членами на месте при разъездах их по уезду.

Независимо от этого, многие из волостных правлений собирали пожертвования разного рода вещами в роде чулок, носков, платков, кушаков, полотенец [...] рубашек, женских панев [юбок-понев] и т. п. Все представляемые в управу пожертвования, состоящие из денег и холста, немедленно отсылаются ею в Московский Славянский Комитет; что же касается разного рода вещей, то они оставляются в управе, так как предполагено продать их с аукционного торга и вырученные деньги отослать в Комитет»¹⁸.

Однако, в основном пожертвования отправлялись М. Кузнецову: «Честь имею довести до сведения гг. жертвователей, что собранные мною по 24 число сего месяца, в пользу жертв восстания в Боснии и Герцеговине 1303 рубля 80 копеек, различные материальные пожертвования (весом 16, 5 пудов) и золотые с бриллиантами вещи (пожертвованные одною дамою) – препровождены мною в Главное Управление Общества попечения о раненых и больных воинах. Мих. Кузнецов»¹⁹.

Кузнецов печатал подробнейшие отчеты о пожертвованиях и их отправке по назначению. Он перечислял собранные средства буквально до последней монеты. Вот образцы его отчетности: «Из села Верхнего Икорца: от священника Станского 1 рубль, супруги священника М.М. Станской 50 копеек, от дочери священника Юлии Станской 95 копеек; от священника Александра Владыкина 1 рубль. 990 рублей 76 копеек отослано. Секретарь Воронежского местного управления Общества попечения о раненых и больных воинах Михаил Кузнецов²⁰ [...] От крестьянки Дарьи Васильевны Ашихминой 80 рублей, от воспитанников Воронежской Нечаевской школы 20 копеек, от жителей Придаченской волости Воронежского уезда 100

18 „Местная хроника, слухи и заметки”, *Дон*, 1876, № 31 (18 марта). Тресоруковская и Новохворостанская волости вошли затем в Лискинский район – малую Родину автора этих строк.

19 „Местная хроника, слухи и заметки”, *Дон*, (25 января) 1876.

20 „В пользу жертв восстания в Боснии и Герцеговине поступило пожертвований, с 8 по 17 января, *Дон*, 1876, №8 (20 января). Икорецкие слободы (Верхний, Средний и Нижний Икорцы) в XVIII в. имели важное значение в войнах за освобождение христиан от турецкого ига, в Нижнем Икорце располагалась верфь.

рублей 35 копеек²¹[...] Верхне-карачанского волостного старшины Лаптева – 1 рубль, от жителей Старомеловской волости 65 аршин холста²²[...] От жителей Перлевской волости 29 рублей 25 копеек, от священника г. Острогожска о. Максима Смирнского, собранные от прихожан Рождество-Богородицкой церкви – 41 рубль. От жителей Истобенской волости 166 рублей 43 копейки. От жителей Вейделевской волости 1140 аршин холста и другие материальные пожертвования»²³. В Белграде усердие воронежцев заметили так же, как и в Царском Селе. Газета «Дон» 3 октября 1876 года сообщила об отправке денег церковным старостой из слободы Бутурлиновки – эта же весть была перепечатана в рубрике «Словенска ствар» в официальной газете «Новине србске»²⁴.

В русской прессе императрицу Марию Александровну называли «Покровительница славян», а в сербской – «Мајка словенска». Воронежские купцы сообщали для всеобщего сведения: «Устроив 27 сего июля, в приснопамятный день рождения Нашей Августейшей Государыни, великодушной Покровительницы Славян, праздник в помещении купеческого клуба, мы собрали [...] на помощь сербам 601 рубль 7 копеек, из коих переводим сегодня [...] 600 рублей на имя Славянского Благотворительного Комитета в Москве»²⁵. В газете «Новине србске» от 21 сентября был напечатан перечень пожертвований из России, начинавшийся так: «Највеће суме поклонили су: Императорица мајка словенска – 2000 рубаља»²⁶. Позднее было напечатано сообщение о передаче Марией Александровной, через генерала Токарева, 28366 франков²⁷. В свою очередь, уполномоченный Славянского комитета Афанасий Васильев раздал в Черногории

21 *Дон*, 1876, №11 (27 января).

22 *Дон*, Новине србске.

23 *Дон*, Новине србске.

24 *Дон*, Новине србске.

25 *Дон*, Новине србске.

26 „Словенска ствар”, *Новине србске*, 21. септ. 1876.

27 „Одбору за помоћ страдалника у србско-турском рату послати су ови подаци”, *Новине србске*, 12. окт. 1876. Вероятно, имеется в виду тайный советник Владимир Николаевич Токарев, главный уполномоченный Российского общества Красного Креста (Общества попечения о раненых и больных воинах). Он объезжал госпитали в Сербии в августе 1876 г., в том числе посетил и госпиталь, снаряженный на средства Московского славянского комитета („Известия, относящиеся к Балканскому полуострову”, *Кишиневские Епархиальные Ведомости*, 1876, №19, Ч. Неоф, с. 725).

8756 гульденов 84 крейцера от Российского Красного Креста²⁸. Императрица, при случае, могла и достаточно откровенно отреагировать на ущемление интересов Красного Креста и сборщиков на славянское дело в целом. Ю.В. Власова отметила: «Как свидетельствуют источники, после получения телеграммы А.Ф. Аксаковой о распоряжении Долгорукова (о запрещении молебна у Иверской часовни при отъезде сестер милосердия – А. П.), императрица ответила, что губернатор оскорбил общество Красного Креста и ее. Такая резкая реакция императрицы – еще одно свидетельство того, что она принимала чрезвычайно активное участие в организации медицинской и санитарной помощи борющемуся сербскому народу. Во многом благодаря ее положению и авторитету помощь эта достигла таких значительных масштабов»²⁹. Конфуз Долгорукова станет понятнее, если упомянуть, что Мария Александровна отправляла иконы санитарным отрядам, а пожалование подарка от высочайших особ придавало персоне или мероприятию определенную защиту от нареканий чрезмерно бдительных чиновников. Летом 1876 г. в Троицком соборе Петербурга председатель Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах генерал-адъютант Баумгартен поднес от имени императрицы Марии Александровны образ Спасителя сестрам милосердия, среди которых были и снаряженные Московским славянским комитетом³⁰.

В некрологе М.С. Сабининой, перепечатанном сербской прессой, подчеркивалась личная воля императрицы Марии Александровны в направлении Сабининой и ее сестер милосердия в Сербию, уважительное отношение местного населения к сестрам в Аранджеловаце, награждение командорским крестом ордена Такова³¹.

В 1877 г., в пору Русско-турецкой войны, упомянутое выше сотрудничество славянских комитетов (обществ) с Российским обществом Красного Креста продолжилось (а, следовательно, продол-

28 А.В. Васильев, „Доклад Славянскому Благотворительному Обществу об исполнении его поручения в Черногории“, *Миру-народу. Мой отчет за прожитое время. Сб. статей, докладов, речей, стихов и заметок по вопросам христианской нравственности, права, государственного управления и хозяйства*, Петроград, 1908, с. 210.

29 Ю.В. Власова, *ук. соч.*, с. 17.

30 „Известия, относящиеся к Балканскому полуострову“, *Кишиневские Епархиальные Ведомости*, 1876, №16, Ч. Неоф, с. 604–605.

31 С.А.В. (прев. с русског.), „Мара Степановна Сабинина“, *Женски свет*, 1893, Бр. 9, с. 133–135.

жились и контакты Марии Александровны со славянофильскими организациями). Так, пожертвования на Красный Крест в Москве принимались князем Василием Николаевичем Гагариным в помещении Славянского комитета³².

Как можно было увидеть из приведенных выше свидетельств, славянские комитеты и общества теснейшим образом сотрудничали с Красным Крестом, их взаимодействие доходило до степени слияния. Одним из живых символов этого сотрудничества была Прасковья Ильинична Чепелевская (1832–1881), которая одновременно состояла в Обществе попечения о раненых и больных воинах, возглавляя его Александровский комитет, и в Санкт-Петербургском славянском обществе (с 1876 г.). Как и Марфа Сабина, Прасковья Чепелевская входила в круг общения императрицы Марии Александровны, переписывалась с митрополитом Сербским Михаилом. О ее вкладе в социокультурный диалог и взаимодействие в сфере благотворительности между Россией и Балканами пойдет речь далее. Прасковья Ильинична происходила из многодетной дворянской семьи, Чепелевские дружили с графами Уваровыми, князь Щербатов упоминал о влиянии идей А.С. Уварова на задумку Прасковьи Чепелевской об открытии женского педагогического училища. Брат Прасковьи, Николай Ильич Чепелевский, разрабатывал вместе с А.С. Уваровым проект учреждения, впоследствии ставшего Государственным историческим музеем в Москве³³. В 1866 г. Прасковья Ильинична учредила в Москве женское училище с педагогическими курсами и рукодельной школой, в 1870–1871 гг. преобразованное в женскую учительскую семинарию с начальным училищем при ней³⁴. Уже в 1866–1867 гг. училище Чепелевской имело хорошую репутацию, подкрепленную визитом цесаревны Марии Феодоровны: «Училище [...] представляет довольно отрадное явление, и [...] от него безошибочно можно ожидать утешительных результатов»³⁵.

32 „От центрального Московского склада Общества попечения о раненых и больных воинах”, *Тамбовские Епархиальные Ведомости*, 1877, №13, Ч. Оф, с. 452.

33 Н.С. Щербатов, кн. „Граф Алексей Сергеевич Уваров, как основатель Исторического Музея”, *Древности, Труды Имп. Московского археологического общества*, Т. 23, Вып. 1, Москва, 1911, с. 8.

34 Журналы Симбирского Губернского Земского Собрания, очередной сессии 1905 г. Симбирск. 1906, с. 45.

35 1866 декабря 23. „Об учреждении стипендии имени Ее Императорского Высочества Цесаревны Марии Феодоровны в Московском Чепелевском женском училище”, *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 4.*

Государыня императрица Мария Александровна учредила в учительской семинарии Чепелевской шесть стипендий (наряду с императрицей, помощь стипендиатам оказывали святитель Иннокентий (Попов-Вениаминов) и Н.Д. Протасова³⁶. В 1870 г. Прасковья Ильинична стала почетным членом Общества ревнителей православия в Северо-Западном крае, в 1871 г. - непременным членом совета московского братства Св. Марии Магдалины. В том же году императрица утвердила ее предложение о создании Севастопольского павильона – музея на Политехнической выставке. Архиепископ Тверской Савва упомянул о письме Чепелевской к нему по поводу помощи православным в бывших униатских землях Белоруссии: «По моему предложению, – писала Чепелевская, – стипендиатки педагогических курсов вызвались приготовить воздухи для беднейших храмов Витебской губернии»³⁷. Эту цитату мы привели для того, чтобы подчеркнуть – Прасковья Ильинична была цельной натурой, она связывала свою благотворительную деятельность с педагогической одной общей идеей, идеей защиты православия и восточнославянского самосознания, придавая своей деятельности в полном смысле слова социокультурный характер. Такой же характер имело и ее посредничество между Белградом и Москвой в 1876 г., памятником которого (возможно, не осознанным в качестве такового современными белградцами, но, тем не менее, известным всем сербам) стал храм св. Александра Невского в районе Дорчол. 2 сентября 1876 г. Прасковья Чепелевская отправила митрополиту Сербскому два письма, выдержанные в весьма экспрессивной манере (от известий с полей сражений у нее «кровь стыла в жилах»), она извещала об отправке походной церкви св. Александра Невского и св. Равноапостольной Марии Магдалины (при поддержке Глинских), а также санитарного отряда³⁸ (социокультурная акция, одно без другого немислимо!), уже 24 сентября митрополит произнес в упомянутой церкви речь на русском языке перед русскими добровольцами, препоручая их молитвенному заступничеству св. Симеона Мироточи-

Царствование Императора Александра II. 1865 – 1870, Санкт Петербург, 1871, Стлб. 371–371.

36 „Ж-ский Е. Из Москвы”, *Всемирная иллюстрация*, 1874, №296, с. 153.

37 *Савва (Тихомиров). Хроника моей жизни: Автобиографические записки Высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 4 (1868 – 1874)*, Сергиев Посад, 1904, с. 376.

38 „Словенска ствар”, *Новине србске*, 2. окт. 1876.

вого и Стефана Первовенчанного³⁹. У храма была трудная судьба, но жители района Дорчол все же приняли св. Александра Невского как своего небесного покровителя⁴⁰. В 1912 г. был заложен первый камень на месте нынешнего здания, а 23 ноября 1930 г. церковь в ее нынешнем виде была торжественно освящена⁴¹. Ее неоднократно посещал король Александр Карагеоргиевич, в ней молились святые Мардарий (Ускокович) и Савва (Трлаич), торжественными богослужениями чтилась память погибших в 1876–1877, 1912 и 1914–1918 гг., храм был украшен памятником св. царю Николаю II. В 1931 г. патриарх Варнава принял здесь от русских эмигрантов два старых русских знамени, которые были положены в церкви на вечное хранение⁴².

О знаменах, точнее, о знаменосце, и пойдет речь далее. В истории о знамени, отправленном М.Г. Черняеву в конце августа 1876 г., несмотря на популярность этого сюжета в прессе того времени и последующей историографии, есть еще немало белых пятен. Одно из них мы постараемся устранить. Речь пойдет о биографии знаменосца – отставного фельдфебеля Трофима Щербина. «Упакованное в ящички знамя для Сербской армии было привезено на станцию Троицкой железной дороги[...] членом Славянского комитета Трескиным, московским купцом Шауриным и знаменосцем отставным фельдфебелем Щербина в сопровождении волонтеров отставных подпоручиков Митрофанова и Дубровского, московских купцов Лопашева, Мочалова и Королева и иеромонаха Сергиева Троицкого Посада Харлампия[...] Во время поздней обедни [знамя] принесено в Троицкий собор, вынуто из ящичка и положено на мощи преподобного Сергия двумя монахами в облачении. Во время обедни причащались волонтеры Митрофанов, Дубровский и Щербина. После обедни у раки святителя был отслужен соборне архимандритом Сербского подворья Саввою молебен, во время которого пелась молитва «Спаси, Господи, люди Твоя» и победы в ней пелись князю Милану. После этого духовенством знамя было перенесено на средину церкви и читались обычные молитвы при освящении знамен вообще; во время этого знамя было прибито к дереву первым гвоздем архимандритом Саввою и прочим духовенством, а потом всеми участвовавшими в привозе

39 „Словенска ствар“, *Новине србске*, 27. септ. 1876.

40 „Дорћолске свечаности“, *Време*, 13. септ. 1924.

41 „Свечано освећење цркве Светог Александра Невског“, *Београдске општинске новине*, 15. дец. 1930, с. 1365–1368.

42 „Прва слава цркве Светог Александра Невског“, *Време*, 13. септ. 1931.

его лицами и наконец бывшими случайно дамами и генералом Замятиным. По прибытии к дереву знамя было отдано архимандритом Саввою Щербине, и перед знаменем провозглашено многолетие князю Милану и его воинству. Из церкви знамя носили в келью настоятеля лавры наместнику архимандриту Антонию (Медведеву, ныне причисленному к лику Святых – А. П.)»⁴³.

Черняевскому знамени посвящали статьи и заметки едва ли не все столичные газеты и многие провинциальные. Его история перед отправкой в Сербию известна буквально по часам. Во «Всемирной иллюстрации» было напечатано подробное описание знамени, с рисунком. «Перевязь через плечо для знаменосца, которою будет прикрепляться хоругвь, украшена [...] надписью: “Рабе благий, в малом был еси верен, над многими тя поставлю” [...] Из Москвы в сербскую армию знамя отправлено 27 августа ... За полчаса до отхода поезда, народ еще теснился; крики “Ура!”, “Живио Милану”, “Живио Черняеву” – потрясали воздух; стоявшие перед вагонами певчие, провожавшие своих собратьев, запели “Спаси, Господи, люди Твоя”, – голоса их были подхвачены другими, и в ту же секунду все обнажили свои головы[...] Затем следовало “Боже Царя храни” и восторженные крики “Ура”, перекатывавшиеся, как гром, с одного конца станции на другой; овации продолжались до тех пор, пока поезд не скрылся из глаз провожавших».

Нам остается сказать еще, что вместе со знаменем отправлено на имя сербского митрополита Михаила послание, которое должно служить для славян пояснением того значения, какое имеет самый дар. Вот выдержки из него: “Почти за пять веков перед сим на Русской земле произошла Куликовская битва, положившая прочное основание освобождению русского народа от ига татарского. Это было за девять лет до несчастной битвы на Косовом поле, поработившей туркам сербские земли. Ныне свободная часть сербского племени восстала за освобождение своих братьев, угнетаемых [...] турецкими насильниками. Русские люди с горячим сочувствием отнеслись к святому делу, начатому сербским княжеством. Стремясь принять в

43 „Докладная записка надзирателя из Троице-Сергиевого Посада московскому обер-полицмейстеру о церемонии освящения в лавре знамени перед отправкой его в Сербию, в армию к генералу М.Г. Черняеву”, *Москва-Сербия, Белград-Россия. Сб. док. и материалов. Т. 2. Общественно-политические связи. 1804-1878 гг.*, сост. М. Йованович, А. Тимофеев, Л. Кузьмичева и Е. Иванова, Белград-Москва/Белград-Москва, 2011, с. 441.

его борьбе против неверных участие материальное, жители первопрестольного града России, Москвы, всегда возлагавшей во времена тяжких испытаний своих надежду на Божию помощь, шлют ныне в ряды сербской армии снимок с этого знамени великокняжеской дружины, под покровом коего Димитрий Донской одержал на Куликовом поле победу[...] Сей снимок освящен в Свято-Троицкой лавре[...] Жители Москвы, современники событий, совершающихся ныне на Балканском полуострове видят и сознают глубокое сходство между положением Сербии в настоящее время и положением Великого княжества Московского во времена Димитрия Донского. Как московский великий князь, ополчаясь против монгольского владычества[...] имел врагов в западных соседях, каким была Литва, [...] так точно и Сербия, вступив в борьбу против турок, встретила противодействие со стороны Западной Европы[...] И татарская орда, властвовавшая над Русскими землями, и Турция, доведшая угнетение христиан до бесчеловечных пределов, отвергли мирные условия»⁴⁴. Это послание было целиком перепечатано в сербской прессе.

В упомянутой статье «Всемирной иллюстрации» приводилась краткая биографическая справка о Щербине: «Трофим Павлов Щербина, отставной фельдфебель Куринского полка, имеющий восемь знаков отличия, в числе коих 2 георгиевских креста [знак отличия Императорского военного ордена для унтер-офицеров и нижних чинов – А. П.], и участвовавший[...] более чем в двухстах битвах и стычках с неприятелями на Кавказе. Г. Щербина – уроженец Екатеринославской губернии, Новомосковского уезда, местечка Петрикова. Он выше среднего роста и, не смотря на свои 50 лет и 2 раны, кажется еще довольно молодым. Знаменосец находился в отставке около 10 лет, жил до сего времени в Воронеже, занимаясь торговлей». В воронежской газете «Дон» фамилия знаменосца указывается уже как «Щербинин»: «В четверг, 19 августа, с почтовым поездом уехал в Сербию для поступления в армию М.Г. Черняева наш воронежец, почетный ветеран... отставной фельдфебель Трофим Павлович Щербинин. Трофим Павлович, вышедший в отставку с большим окладом пенсии, мирно жил со своим семейством в нашем городе [...] События на Востоке, которые теперь для нас, русских, стали интересом нашего дня и занимают нас больше, нежели наши домашние эгоистические заботы и нужды, также сильно заинтересовали

44 „Знамя сербскому воинству от русских людей”, *Всемирная иллюстрация*, 1876, №405, с. 250.

Трофима Павловича. Заслуженный ветеран, по словам его знакомых, приходил в страшное негодование, читая в газетах про зверства турок. „Для меня эта политика непонятная, – говорил тогда он, – которая безнаказанно позволяет совершать всякие мерзости этим негодным туркам”⁴⁵.

В номере от 26 августа сообщаются дополнительные сведения: «Трофим Павлович поехал в Москву, откуда он, соединившись с посылаемыми Славянским Комитетом главнокомандующему сербских войск певчими для походной церкви, вместе с другими волонтерами, которых из Москвы каждый день выезжает по несколько человек, отправится прямо на театр военных действий. Очень может быть, что почтенному ветерану, как редко заслуженному кавалеру, препоручено будет Славянским Комитетом, вместе с другими везти знамя с изображением Димитрия Донского, которое московское общество намерено послать М.Г. Черняеву в честь блистательных побед его под Алексинцем. – Трофим Павлович удостоился восторженных оваций по всей линии Козлово-Воронежской дороги: помимо станций „Воронежа”, „Усмани” и „Грязей”, где он, в особенности, был восторженно встречен[...] его на всех станциях и полустанках встречали и провожали кликами “Ура!” и собрали порядочную сумму денег»⁴⁶. Как мы видели выше, эти надежды оправдались. Краткие сведения, которые дошли до нас, свидетельствуют, что в поступке Трофима Щербины не было и тени романтической экзальтации или фанатизма «темного народа». Человек достаточно развитый умственно и нравственно, грамотный, с предпринимательской жилкой, не стал бы рисковать жизнью ради эфемерной идеи, внушенной неведомыми ему агитаторами. Возможно, Щербина и не владел полной информацией об историческом прошлом Сербии, зато ему были отлично известны нравы турок и подвластных им еще недавно кавказских племен. Поэтому, когда до Трофима Павловича дошли известия о турецких зверствах, он не усомнился в их правдивости. К сожалению, о дальнейшей судьбе Щербины нам узнать не удалось, однако и тот объем информации, которым мы располагаем, достаточен для характеристики русского крестьянина в солдатской шинели, по меньшей мере в течение нескольких дней державшего в руках путеводный символ славянской истории. Имена св. Димитрия Донского и его сподвижников тогда объединили всю Россию.

45 „Местная хроника, слухи и заметки”, *Дон*, 1876, №92, 22 августа.

46 „Местная хроника, слухи и заметки”, *Дон*, 1876, №94, 26 августа.

«Киев снарядил санитарный отряд и отряд волонтеров, в числе которых есть послушники Киево-Печерской Лавры, эти новые Пересвет и Ослябя, как справедливо замечает “Киевлянин”»⁴⁷. Белорусский церковный вития архимандрит Ианнуарий также упомянул Димитрия Донского в проповеди.

Архимандрит Ианнуарий, известный в свое время ученостью и красноречием в Белоруссии, сделал в проповеди несколько важных акцентов. Во-первых, он напомнил о евангельской заповеди блаженства: «Блаженны милостивии, яко тии помилованы будут» (Мф. 5.7), во-вторых, подчеркнул факт знакомства слушателей с основными фактами из жизни славян: «Всем нам известно, что жители Герцеговины, Боснии и Болгарии обитают на Балканском полуострове[...] В XV столетии [...] турки овладели столицей Греческой Империи, царственный град Константина Великого назван ими Стамбулом. С тех пор жители стран сих подвергались жестоким и постоянным гонениям со стороны турок, потому что турки как теперь, так и всегда, требуют от побежденных ими народов прежде всего отречения от христианской веры». Архимандрит Ианнуарий напомнил о св. Георгии Новом Кратовском, имя которого было известно среди русских крестьян различных местностей Российской империи (подробное исследование об этом осуществил И.И. Калиганов) – так что, упоминание о Св. Георгии Новом тоже должно быть, в некоторой степени, отнесено к фактам, известным даже неграмотным поселянам, тем более – семинаристам. Затем о. Ианнуарий ввел в проповедь диалектический прием – он напомнил, что, строго говоря, турецкий султан является для нынешнего поколения жителей Балканского полуострова законным государем (эта аргументация, столь распространенная по соседству с белорусскими и вообще западнорусскими губерниями – в принадлежавших Австро-Венгрии и Германии частях бывшего Польского королевства, неизменно повторялась и в 1821, и в 1876 гг.), а значит, ему нужно повиноваться. Как же в таком случае относиться к восстаниям в Герцеговине и Болгарии? И здесь о. Ианнуарий сослался на нравственный библейский урок – Бог некогда предавал израильтян в руки их врагов, но затем «освобождал их от рабства рукою Своею крепкою». Кроме библейских параллелей, для объяс-

47 „Хроника”, *Русское обозрение*, 29 августа 1876.

нения событий белорусский церковный вития использовал и примеры из жизни Московской Руси: «Вот и наше любезное Отечество страдало более двух столетий[...] Господь послал нам и даровал избавителей в лице Великих Князей: Св. Александра Невского, Дмитрия Донского, Иоанна Васильевича III и, наконец, царя Иоанна Грозного[...] Вот и теперь не сам ли Господь избрал и назначил Князя Сербского и Князя Черногорского с народом их быть вождями и избавителями христиан турецких»⁴⁸. Примечательно, что имена и образы св. Александра Невского и Дмитрия Донского появились в речи белорусского архимандрита раньше, чем на черном шелке московского знамени 1876 г. (Димитрий Донской) и в посвящении так называемой походной церкви Глинского (Александр Невский), и, конечно, независимо от почина москвичей. Очевидно, соотнесение подвига борьбы за свободу балканских народов в 1876 году и за свободу русского народа в 1380 г. было отражением неких глубинных воззрений российского общества на происходящие события. Воззрений, имеющих источником древнейшие слои национальной памяти.

В этом же слове о. Ианнуарий назвал императрицу Марию Александровну «Благосердой Матерью Отечества нашего и Покровительницей всех страждущих», что не может не вызывать параллелей с Екатериной II – защитницей православия в Белоруссии.

Таким образом, Трофим Щербина, воронежец, держал в руках еще и символ единomyслия Великой, Малой и Белой Руси.

Трофим Щербина был, пожалуй, самым известным жителем Воронежа, посвятившим себя освобождению славян. Но, наряду с ним, на благо единовeрных и единокровных братьев трудились тысячи моих земляков. Но я, в заключение моего повествования, расскажу об одном из самых скромных и незаметных тружеников славянского дела в Воронеже. Имя священника Покровского Девичьего монастыря в Воронеже Иакова (Якова) Васильевича Путилина (1822–1891) сегодня неизвестно даже специалистам. Давно уже нет в Воронеже и самого Покровского монастыря, лишь название «Девичий рынок» напоминает о нем. Но для социокультурного диалога России и христи-

48 „Ианнуарий архим. Слово в день рождения Благочестивейшей Государыни Императрицы Марии Александровны”, *Минские епархиальные ведомости*, 1876, №14, Ч. Неоф, с. 277–284.

анского Востока имя о. Иакова весьма важно. Дело в том, что эпоху Восточного кризиса о. Путилин встретил со сложившимися убеждениями и с опытом помощи православному Востоку. Яков Васильевич Путилин был сыном священника, в 1845 г. окончил семинарию, в 1846 г. - рукоположен в священника к Покровскому монастырю по особенному желанию святителя Антония (Смирницкого), Архиепископа Воронежского. Благотворительная деятельность о. Якова началась в 1847 г., ему было объявлено благословение Святейшего синода за усилия по борьбе с холерой. 26 лет о. Яков был законоучителем в первом воронежском приходском училище, за что удостоился благодарности от попечителя Харьковского учебного округа. Он был награжден орденами св. Анны третьей и второй степеней, служил в епархиальном комитете Православного миссионерского общества, в Братстве св. Митрофана и Тихона⁴⁹. Для нас же представляет особый интерес факт участия о. Якова в помощи грекам острова Крит (Кандия) в 1866–1867 гг. Мы узнаем об этом из письма митрополиту Московскому св. Филарету (Дроздову): «Отеческий Ваш голос, воззвавший о помощи несчастным матерям и младенцам острова Кандии, радостно и сочувственно был принят в среде некоторых обитателей города Воронежа. В самом тесном, семейном – так сказать – кружке образовалась подписка, в день празднования иконе Пресвятой Богородицы «Утоли моя печали». День этот не был предъизбран по намерению, но непредвидимо выпал для принесения посильной жертвы, в чем участникам подписки отрадно признавать знамение Покрова Пресвятой Богородицы над несчастными семействами критян. Хотя собранная сумма и незначительна, но она жертвовалась с любовью, от полноты сердечного участия, а жертвователи принадлежали к самым разнообразным сословиям, начиная от смиренной инокини и до военного офицера.

Соединение сословий столь разнородных в сем деле благотворительности, кроме присущего человеческому сердцу сострадания, имело основанием ту глубокую симпатию к судьбам православного Востока, которая издревле влечет к нему сердца русского народа, как к колыбели спасительной Веры, озарившей мир радостным светом Боговедения. К сим священным побуждениям присоедини-

49 „Священник Иаков Васильевич Путилин. Некролог”, *Воронежские Епархиальные Ведомости*, 1891, № 12, Ч. Неоф, с. 435–439.

лось еще одно, общее ныне русскому народу чувство – сыновья благодарность к Господу Богу, охраняющему любезное Отечество наше – в сей век беспокойств и неурядиц гражданственных – в мире, безопасности и ограждении, под державою Государя мудрого, кроткого и благодушного, благословенные деяния коего вызывают в самых отдаленных концах земли признательность и удивление царей и народов и соделаются лучшим достоянием истории в назидание позднему потомству.

Собранная по подписке лепта (около 25 руб.) при сем препровождается для употребления на помощь семействам острова Кандии, по усмотрению Вашего Высокопреосвященства».

По отправлении письма, священником Покровского Девичьего монастыря Я.В. Путилиным совершена была Божественная литургия о здравии и спасении жертвователей⁵⁰.

Прошли годы... 10 сентября 1876 г. протоиерей Яков Путилин отправил в редакцию «Московских Ведомостей» на нужды славян пожертвованные богомольцами в Покровском монастыре 70 рублей, 22 октября 10 рублей о. Яков отправил в Санкт-Петербургский отдел Славянского комитета⁵¹. О. Иаков благословил и труды насельниц Покровского монастыря: «Помимо денежных пожертвований, приносимых от скудных заработков всеми обитательницами монастыря, достоуважаемая игуменья, матушка Анастасия, отослала в Московский Славянский Комитет большой тюк вещественных пожертвований: платки, полотно и т.п. вещи и 12 фунтов корпии». Одна из монахинь отправилась в Сербию в качестве сестры милосердия⁵².

Вообще же в Воронежской губернии был ряд особых причин для социокультурной (в т.ч. благотворительной) активности в пользу православного Востока. «Крестьянское население весьма сочувственно отнеслось к бедственному положению соплеменных нам славян – христиан, и соединяя в уме своем тяготеющее над славянами турецкое иго с ненавистным для христиан владычеством турок над дорогою для христиан святынею – Иерусалимом – крестьянское

50 „Письмо к Московскому Митрополиту Филарету”, *Воронежский листок*, 1867, №12 (12 февраля).

51 „Сведения о суммах, отосланных в пользу славян, от издания «Слова православному Русскому народу о турецких зверствах», по 15 ноября 1876 года.”, *Дон*, 1876, 14 декабря.

52 „Дневник происшествий по городу Воронежу”, *Дон*, 1876, 14 октября.

население охотно жертвует, из своих скудных средств, на помощь жертвам восстания в Боснии и Герцеговине», писал корреспондент из Нижнедевицкого уезда⁵³.

Кроме того, среди богомольцев губернии определенную известность в середине XIX века получил св. Илларион Меглинский (Могленский), южнославянский святой, живший в XII в., его небольшой образ находился в храме Богородице-Тихоновского Тюнина монастыря в Задонском уезде (примечательно, что он был присоединен к иконе св. Александра Невского)⁵⁴. Неудивительно, что в 1876 г. послушники Задонского монастыря выразили желание отправиться на Балканы в санитарном отряде. Как св. Александр Невский для жителей белградского Дорчола, Св. Илларион из македонского Моглена стал близким, родным святым для жителей русского Задонска. А город Воронеж в 1868 г. посетил деятельный сотрудник славянских комитетов Франтишек (Федор Иванович) Иезбера, и в «Воронежском справочном листке» была напечатана статья «О взаимной близости славянских языков». На страницах русского провинциального издания появилась молитва «Отче наш» на резьянском диалекте словенского языка! Ф. Иезбера посетил воскресную школу при Воронежской семинарии вместе с бывшим губернатором графом Д.Н. Толстым и «испытывал знания учеников[...] Граф Дмитрий Николаевич Толстой с г. Иезбера, как слышно, остались довольны»⁵⁵. Так, шаг за шагом, подготавливалась почва для славянского энтузиазма 1876 г. Определенным подведением итогов Восточного кризиса в Воронеже стала статья земского статистика Яворского. «Ни с одним внешним врагом нам, русским, не приходилось столько раз бороться, как с турками. Сколько раз наши отцы и деды, в борьбе с ними, проливали кровь за крест Христов, за веру православную, за единоверных нам братьев[...] Бог даровал России славную победу над турками и

53 „Из Нижнедевицкого уезда”, *Дон*, 1876, № 29 (14 марта).

54 „Мария Богомоллова, монахиня. Игуменья Поликсения, Богородице-Тихоновского монастыря (при селе Тюнине г. Задонска. 1810–1894 гг.)”, *Воронежские Епархиальные Ведомости*, 1916. № 42, Ч. Неоф, с. 1144. Случайно ли, что через много лет перевод поучения именно св. Тихона Задонского был помещен на страницах сараевского «Братства»?

55 „Воскресная школа при воронежской семинарии”, *Воронежский листок*, 1868, 14 ноября. Там же помещена статья, вероятно, написанная с участием Иезберы, «О взаимной близости славянских языков».

в нынешнем году. Когда стоны и страдания единоверных и единоплеменных наших братьев – славян, терзаемых турками, дошли до слуха нашего Православного Царя и сынов России, то Господь подвинул сердце Царево [...] обнажить меч за святое дело, на защиту несчастных страдальцев мучеников, братьев – славян[...] Богу угодно было, чтобы великое и святое дело освобождения из тяжелого рабства угнетенных православных наших братьев было совершено православным Русским Царем-Освободителем.

Но вот, в ответ на наше великодушие, уступчивость и миролюбие, из-за моря на нас поднимается другой враг[...] Настоящий враг наш – всемирный торгаш, он не верит ни в нравственную доблесть, ни в самоотвержение; весь погруженный в материальные расчеты и барыши, он не разбирает средств к наживе и при этом располагает тридцатитысячным купеческим флотом, который совершает рейсы на всех морских путях[...] Нужно общими усилиями устроить добровольный флот, который преследовал бы врага[...] а за смелыми и отважными моряками у нас дело не станет – у нас есть Барановы, Дубасовы и Шестаковы... Настоящие политические обстоятельства невольно переносят нашу мысль в то время, когда гений Петра Великого призывал Россию к новой политической жизни[...] На устроенном на берегу реки Воронежа флоте, Петр Великий совершил свой Азовский поход против Турции[...] Славные деяния государя на Воронеже до сих пор живут в местных народных сказаниях и песнях». Далее автор записки процитировал знаменитое письмо Петра св. Митрофану Воронежскому с благодарностью за помощь в строительстве флота «для общия христианския пользы, на вспоможение святыя войны против неприятелей Креста». Записка завершалась следующим выводом: «В годину тяжких испытаний, когда враг угрожал благосостоянию нашей страны, русский православный народ всегда находил в себе нравственные и материальные силы, чтобы выйти из борьбы победителем[...] Высокий пример и священный завет в этом случае передали нам наши отцы: они свято берегли честь своей матери – России, и нам завещали не посрамить землю Русскую, и если в борьбе за святое дело враг угрожает нам своею силою, то всегда помнить, что Бог не в силе, а в правде»⁵⁶.

56 Ф. Яворский, „Несколько слов по поводу угроз Англии уничтожить плоды наших побед над Турцией и о приобретении морских судов добровольного флота”, *Дон*, 1878, №50 (14 мая).

Для Сербии итоги, в определенном смысле, подвел вначале настроенный скептически П.А. Кулаковский: «2 числа (1879 г. – А. П.) в государя стрелял некий Соловьев в Петербурге[...] Сербы отозвались на это наше несчастье совсем по-родственному. Во всех адресах, поданных Персиани, они называют государя – славянский царь, наш царь, царь-освободитель и т.д. Это ясно показывает, что народная мысль ясная и простая, дальше и глубже видит, чем все конгрессы европейских дипломатов, и что ее не обманешь лстивыми речами[...] Действительно, славяне любят нашего царя, какой бы он ни был. В представлении славян русский царь – славянский государь[...] и это представление все больше и больше идет в массу[...] Когда разнеслась по Сербии весть о покушении Соловьева, тотчас всюду негодование и радость о спасении государя, всюду молебны, всюду празднования народные. Право, есть связь между сербами и русскими, глубокая, внутренняя. В русской походной церкви, помещающейся в Великой школе, была отслужена в воскресенье русская обедня»⁵⁷. Остается только добавить, что речь идет именно об Александро-Невской церкви, предшественнице храма на Дорчолле.

Сотрудница всемирно известной некогда Катарини Миловук сестра милосердия Мария Зибольд, о которой с особенной похвалой отозвался в 1876 г. представитель Санкт-Петербургского отдела Славянского комитета, скончалась в 1939 году⁵⁸ – таким образом, нас отделяет от той эпохи не такой уж большой в смысле преемственности поколений срок. Мария Зибольд еще успела отпраздновать 50-летие подвига русских добровольцев – уже с новой волной русских на Балканах, «белоэмигрантской». Королевство сербов, хорватов и словенцев стало на десятилетия заповедником памяти о генерале Черняе-

57 П.А. Кулаковский, „Дневник (1878–1881)”, *Русские о Сербии и сербах. Том II (архивные свидетельства)*, Москва, 2014, с. 75.

58 «Славянский комитет в Москве теперь снова послал Обществу Красного Креста 3000 рублей. С тех пор, как Президент женской ассоциации помощи раненым профессор Катарина Миловук опубликовала в российских газетах новое обращение и в ярких красках охарактеризовала ситуацию, в России в вновь организуются обширные сборы, которые дают блестящие результаты». *Aus Serbien//Grazer Zeitung*. 21. juli 1876. Перевод автора этих строк.

“В Белграде, в добавление ранее существовавших военного и трех сербских резервных госпитале, был устроен г-жею Миловук на средства общественной благотворительности, небольшой госпиталь «Женского дружества»... („Госпитали в Сербии”, *Всемирная иллюстрация*, 1876, №414, с. 420). Мария Зибольд работала под началом Миловук: „У стотој години живота умрла је др. Марија Фјодоровна Зиболд”, *Правда*, 1939, 6. април.

ве, портрет которого в 1926 г. украсил сербские газеты. Не сбылись мрачные пророчества русской либеральной прессы 1877 г. о том, что подвиг помощи Сербии будет забыт. Когда в СССР память о нем была под запретом, сербы с обостренным чувством сопричастности вспоминали Черняева и Дандевиля – любовь к русским добровольцам в 1926 г. проявлялась, может быть, сильнее, чем поздней осенью 1876 г. Масштабная помощь русским эмигрантам была, возможно, своего рода психологической компенсацией за недостаточное внимание к русским в 1876–1877 гг. после заключения перемирия.

ДР АЛЕКСЕЈ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОПОВКИН
наставник Регионалног економско-правног колеџа,
Лиски, Вороњешка област
ale4778@yandex.ru

ПОСРЕДОВАЊЕ СЛОВЕНСКИХ КОМИТЕТА ИЗМЕЂУ РУСИЈЕ И БАЛКАНА У ВРЕМЕ КРИЗЕ И РАТА 70-ИХ ГОДИНА 19. ВЕКА – ХУМАНИТАРНИ И КУЛТУРНИ АСПЕКТИ

Кључне речи: словенски комитети, Руско друштво Црвеног крста, друштвена сарадња, царица Марија Александровна, Прасковја Иљинична Чепелевска, Трофим Павлович Шчербина, свештеник Јаков Путилин, црква Александра Невског у Београду, Покровски манастир у Вороњежу, заставе

Резиме: Словенски комитети и друштва, у сарадњи са Друштвом за збрињавање рањених и болесних војника, у време Велике источне кризе, ујединили су напоре читавог руског народа како би помогли Србима. Царица Марија Александровна је својим утицајем и личним учешћем подржала словенофиле. Активност словенофила подржавали су како познати добротвори (на пример П. И. Чепелевска) тако и мало познати радници који су имали искуства у добротворним акцијама (отац Ј. В. Путилин). Она је наишла на пријатан одјек на Балкану, о чему сведоче сећања, рецимо вороњешких добротвора на страницама српске штампе, а њихов симбол до данас је црква Александра Невског у Београду. Александар Невски и Дмитриј Донски ушли су у српску националну свест, балкански светитељи – у руску (чак и провинцијску – Св. Иларион Могленски). Тако се, дугорочно гледано, посредовање словенских комитета и друштава између Русије и Балкана у друштвеној и културној сфери показало одрживим и у извесној мери је имало одјека не само током живота протагониста ове сарадње (један од последњих добровољаца М. Ф. Зиболд је умро 1939) него и до наших дана.